

Олег Губарь

Юбиляр де Ришелье

Хотелось бы, не привязываясь к юбилею, в дальнейшем составить академическую, строго документальную «Летопись жизни и творчества герцога Ришелье в Одессе: 1803-1814 годы». В принципе, у меня есть такая возможность, поскольку собрал и тематически сгруппировал архивную информацию по годам, неделям, нередко даже по дням. Подобную же летопись мог бы продолжить, по крайней мере, до 1825-го, то есть охватить деятельность Кобле, Ланжерона и т. д. Пока ограничусь резюме к круглой дате.

...Едва ли когда-нибудь была в Одессе более почитаемая фигура, нежели дюк де Ришелье – «домашний герцог одесситов», как очень метко назвал его когда-то поэт Юрий Михайлик. Уходили и приходили люди, время ломало памятники, уничтожало погосты и дома, но этот монумент устоял вопреки всему. Хотя был, надо признать, момент, когда судьба «Дюка» висела буквально на волоске. Пламенный борец с «безродными космополитами», тогда директор публичной библиотеки и «краевед» В.А. Загоруйко усердно добивался демонтажа этого символа города. Сегодня этот сюжет по-своему тоже актуален, поскольку мы встречаемся с проявлениями типичного неособшевизма в отношении к историческим памятникам, топонимии и проч.

В чем феномен личности Ришелье? Почему по большей части безответственная и не чересчур благодарная человеческая память сделала для него исключение? Ответ на этот вопрос прямо и однозначно прозвучал еще в дореволюционной России: «Гуманность и культурность – весьма редкие на высших административных постах империи – как раз и составляли сущность Ришелье

как руководителя и человека». Никто не сделал больше для Одессы и одесситов, чем Дюк. Даже М.С. Воронцов, который, несмотря на всю свою масштабность, следовал уже в русле начинаний своего выдающегося предшественника, развивал и дополнял их. Это Ришелье открыл город Европе и миру, чем всё и сказано исчерпывающе.

Пользуясь неограниченными полномочиями, дружеским расположением монарха, значительными бюджетными средствами, Дюк заложил основы инфраструктуры Одессы как крупнейшего пункта транзитной торговли между Востоком и Западом. Это он наладил хлебный экспорт, пригласил и помог обустроиться колонистам-аграриям из Германии, Франции, Швейцарии и других стран, превратил Одессу в европейский город, освободил от непомерных налогов, способствовал оформлению идеи порто-франко, реализованной уже при его преемнике, Ланжероне. Блудя интересы и государственные, и региональные, Ришелье добился того, что хлебная торговля России и Турции не прекращалась даже тогда, когда они находились в состоянии военных конфликтов! Это он спасал город и край от свирепой чумы, рискуя жизнью, лично посещал зачумленные кварталы и дома, ободряя горожан и поистине делясь с ними последним куском хлеба. Это Дюк отдал все деньги, заработанные на службе в России, для создания в Одессе наиболее значительного на Юге учебного заведения – Лицея, второго в державе после Царскосельского. Это он построил Городскую больницу и театр, в котором выступали лучшие в империи оперные труппы. Можно утверждать, что на этой южной окраине России с его подачи возник подлинно европейский портовый город со всеми атрибутами – самоуправлением, биржей, коммерческим судом, карантинном, транспортными морскими конторами,

страховыми и банковскими учреждениями, благотворительными, учебными, культурными заведениями и др.

Одиннадцать лет Ришелье прожил в небольших помещениях, на первом этаже «меблированных» табуретами и топчанами без лакового покрытия, в обстановке, лишенной намека на роскошь. Его рабочий день продолжался чуть не 17 часов. Все делопроизводство он фактически вел сам, причем ответные документы составлял на тех языках, на каких к нему обращались. Питался Дюк очень скромно, а немногочисленную канцелярию содержал за свой счет. Ежедневно обходя или объезжая город, он вникал во все мельчайшие дела, беседуя с купцами, подрядчиками, военными, медиками, мастеровыми, гостями города, иностранными консулами, простонародьем, посещал все общественные и частные балы. Серьезно обеспокоенный проблемой озеленения Одессы и прилегающих к ней безводных территорий, Ришелье получал из казенных лесов и лично выписывал из-за рубежа недорогие саженцы, способствовал устройству предшествовавшей Ботаническому саду так называемой Городской плантации, затем постоянно инспектировал буквально всякое высаженное деревце, строго взыскивая виновных за нерадивость.

Вся изложенная информация обретает иное звучание, если учесть, что Дюк – рафинированный представитель столь же знатного, сколь и древнего аристократического рода, что один из его предков – знаменитый кардинал, всесильный министр Людовика XIII, несколько скомпрометированный, правда, Дюмаотцом в «Трех мушкетерах». По смерти в 1642 году кардинала де Ришелье его фамильный замок на берегах Луары и герцогство перешли к внучатому племяннику, Арману Ришелье, который был эром Франции, начальником флота и войск, дислоцировавшихся по всему Леванту. Это обстоятельство и породило путаницу с двумя разными Арманами де Ришелье. Во всяком случае, как вы понимаете, нашего Дюка в 1642 году просто еще не существовало физически, поскольку он родился через 124 года, в 1766-м. Какими же родственными узами, в свою очередь, связаны эти два разных Армана?

Всё тут довольно просто. Внучатый племянник кардинала передал все свои регалии и владения сыну, Луи-Франсуа

де Ришелье – французскому маршалу, широко известному своими многочисленными альковными похождениями. Этот любвеобильный маршал оставил титул сыну, герцогу Фронсаку, а уж тот – своему наследнику, графу Шинону, нашему одесскому Дюку. Таким образом, герцог Арман-Эммануил дю-Плесси де Ришелье одновременно носил титулы графа Шинона и герцога де Фронсака. Вот и выходит, что Дюк – прапраправнучатый племянник кардинала Ришелье.

Столь грандиозная и завидная родословная не помешала херсонскому военному губернатору и первому одесскому градоначальнику быть самым, пожалуй, гуманным из всех администраторов, которых знала Одесса. Судя по всему, и Франция не знала лучшего премьер-министра, нежели Ришелье: а именно этот первостепенный пост он занимал после возвращения в Париж. Когда Дюка не стало (1822), император Александр Павлович, искренне считавший Ришелье близким человеком и конфидентом, сказал французскому послу: «Я оплакиваю герцога Ришелье как единственного друга, говорившего мне правду. Он был образцом чести и правдивости». Тогда же во Французской академии прозвучали слова: «Он не призывал к добру, но умел его подготавливать и приближать».

